

И. М. Савельева, А. В. Полетаев
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ,
ИЛИ
ЗНАЮТ ЛИ АМЕРИКАНЦЫ ИСТОРИЮ

М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 456 с.

Аннотация

В книге на основе данных социологических опросов исследуются исторические представления американцев, их «образ прошлого», который формируется под влиянием самых разных источников — светского и религиозного образования, популярной литературы, кинематографа, средств массовой информации, исторических музеев и памятников, устной и семейной истории. Разнообразные сведения о знаниях истории американцами, содержащиеся в материалах опросов, позволили выявить не только содержание и уровень массовых исторических знаний, но и общие представления населения об истории и историческом процессе, а также лежащие в их основе ценностные, идеологические и религиозные установки. Попутно выяснилось, что и конкретные знания американцев об истории совсем не так плохи, как это часто изображается.

Оглавление

Преамбула.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ И ЭМПИРИЯ	
1. Функции исторического знания	19
а) Поддержание образцов	22
б) Легитимация настоящего	25
в) Формирование идентичности	27
г) Тематизация Другого	30
2. Социальные представления.....	33
а) Теоретические подходы.....	33
б) Групповые представления о прошлом	41
3. «Историческая память»	47
а) Границы понятия	47
б) Политика памяти.....	53
4. Эмпирические данные	61
а) Классификация источников.....	61
б) Социологические обследования.....	65
ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ ЗНАНИЙ	
1. Система образования	75
а) Школа	75
б) Колледжи и университеты	82
в) Религиозное образование.....	87
2. Медиа-источники	88
а) Книги.....	91
б) Исторические музеи и памятники	82
в) Праздники и коммеморации	87
3. Жизненный мир	103
а) Автобиографическая память	103
б) Семейное прошлое	106

ГЛАВА 3. БАЗОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

1. Ценности и установки	118
а) <i>In God We Trust</i>	118
б) <i>The Ten Commandments</i>	123
в) <i>Unalienable Rights</i>	128
г) <i>Innovate or Lose</i>	138
д) <i>Success Story</i>	143
2. Общие характеристики исторических знаний	150
а) <i>Структура представлений о прошлом</i>	150
б) <i>Групповые различия</i>	154
3. Маркеры прошлого	162
а) <i>Процессы, события, личности</i>	165
в) <i>Достижения</i>	178
г) <i>Войны</i>	182

ГЛАВА 4. ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

1. Мир и война.....	198
а) <i>Политика</i>	198
б) <i>Военная история</i>	204
в) <i>Религия</i>	209
2. Открытия и свершения	212
а) <i>Естествознание, медицина и техника</i>	212
б) <i>Географические открытия и путешествия</i>	219
3. Искусство и спорт	225
а) <i>Литература</i>	227
б) <i>Музыка</i>	232
в) <i>Живопись</i>	236
г) <i>Спорт</i>	240
4. Резюме	246

ГЛАВА 5. ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

1. Библейское прошлое	260
2. Возникновение нации	266
а) <i>Заселение Америки</i>	267
б) <i>Американская революция</i>	270
3. Становление нации	280
а) <i>Государственное и политическое устройство</i>	280
б) <i>Территориальная экспансия</i>	290
в) <i>Этнические отношения</i>	299
4. Объединение нации.....	304
а) <i>Гражданская война</i>	304
б) <i>Реконструкция, фронтир и капитализм</i>	310

ГЛАВА 6. АМЕРИКАНСКИЙ ВЕК

1. Первая половина XX в.	320
а) <i>Прогрессистская эра</i>	320
б) <i>Великая депрессия</i>	331
в) <i>Вторая мировая война</i>	336
2. Вторая половина XX в.	358
а) <i>Политические движения</i>	358
б) <i>Внешняя политика: USA et al.</i>	372
в) <i>Награждение не причастных и наказание невиновных</i>	389
3. Образы десятилетий	397
Заключение.....	409

Приложение. Вопросы по истории США к экзамену на получение американского гражданства	421
---	-----

Источники	426
Литература.....	438

ПРЕАМБУЛА

В европейской культуре Нового и новейшего времени историческое знание считается одним из важнейших элементов культуры общества. По меньшей мере в XIX в. сформировалось убеждение, что знание истории – неперенный атрибут образованного человека, что нашло отражение и в начавших формироваться в этот период программах обязательного школьного образования. Эта установка сохранилась по сей день, более того, во второй половине XX в. она была усилена некоторыми политическими и идеологическими факторами.

Прежде всего, это активное формирование самых разнообразных общественных объединений и групп. Для любой социальной группы прошлое и история играют ключевую роль с точки зрения самоидентификации и выражения групповых интересов. Для большинства социальных групп или, по крайней мере, их лидеров, характерно стремление к акцентировке тех или иных событий прошлого, связанных с формированием данной группы или ее сегодняшними задачами. В свою очередь политические оппоненты заинтересованы в создании своего, альтернативного образа прошлого, в котором роль тех же групп или важных для них исторических событий, наоборот, преуменьшается.

Существенную роль сыграло и такое новое явление, как институционализация групп участников или жертв тех или иных исторических событий XX в. – прежде всего войн и этнических и политических репрессий.

Конечно, содержание современных социальных представлений о прошлом связано отнюдь не только с событиями относительно недавнего прошлого и воспоминаниями их участников. Массовые представления о событиях более отдаленного и даже очень давнего прошлого также служат формой интеграции или дезинтеграции отдельных групп общества и нации в целом.

Ко всем этим факторам можно добавить и несколько причин концептуального характера. Прежде всего, это ставшее общим местом в самых разных дисциплинах теоретическое положение о том, что прошлое – это конструкт, который создается в настоящем, а отнюдь не то, «что было на самом деле». В идеологизированной трактовке, которую активно развивают представители французского и американского постмодернизма, отсюда следует, что прошлое является объектом манипуляций и выступает в качестве одной из форм «властного дискурса», навязывающего массам образ прошлого (равно как и настоящего и будущего), выгодный интеллектуальным и политическим элитам.

Но если в работах постмодернистов процесс конструирования прошлого выступает как объект исследования, то отдельные политические группы и организации давно взяли его на вооружение в качестве практического руководства к действию. Борьба за групповые политические интересы стала включать в себя и активное предложение обществу партикулярного образа прошлого – например, «истории народа», «истории пролетариата», «женской истории», «истории черных» и т. д.

В результате не только само прошлое (история как процесс), но и знание об этом прошлом (прежде всего историческое, т. е. научное, знание), как никакой другой вид знания привлекает повышенное внимание интеллектуалов, представителей образовательного сообщества и политических деятелей. При этом, во-первых, особое внимание уделяется именно массовым представлениям о прошлом – проблемы развития экспертного знания, т. е. исторической науки, волнуют общество в гораздо меньшей степени. Во-вторых, обсуждение этой темы во многих случаях имеет алармистский и даже несколько истерический характер – в основном говорится и пишется о том, что «массы» плохо знают историю, недостаточно ее знают, знают хуже, чем раньше, не знают о ключевых событиях, и т. д. Эта тема широко обсуждается в средствах массовой информации и в политических кругах. Например, в США в последние десятилетия в конгрессе и сенате несколько раз проводились слушания по поводу качества и содержания исторического образования в школах, колледжах и университетах. Столь же активно дискутируется и сильно политизированная проблема «исторической памяти».

Постепенно в дискуссии о современном массовом знании о прошлом вовлеклись и историки. На протяжении большей части XX в. считалось, что в современных обществах, в отличие от традиционных, история как научное знание является, пусть и редуцированной, но основой массовых представлений о прошлом. Однако оказалось, что трансформация научного знания в социальные представления – это крайне сложный процесс. Результаты проведенных в последние десятилетия опросов общественного мнения, ориентированных на выявление исторических знаний, стали для многих профессиональных историков неприятным сюрпризом. Выяснилось, что несмотря на существование всеохватывающей системы школьного образования, которая, по идее, должна служить инструментом трансляции научных знаний в общество, массовые представления о прошлом сильно отличаются от профессиональных.

В последние годы мы также занимались анализом знания о прошлом: механизмами его формирования, различными типами знания, их эволюцией, конкретным содержанием и т. д.¹ Но в основном наши интересы были связаны с изучением экспертного, или «высокого», знания. Сравнительно недавно мы обратились к массовым представлениям². Прежде всего нас интересовало состояние исследований в этой области, а также некоторые общие механизмы формирования исторического сознания. Уже на этом этапе исследований у нас возникло несколько принципиальных вопросов.

Самый общий вопрос состоит в том, действительно ли знание прошлого и историческое знание, в частности, столь важны и обязательны для широких масс населения, являются ли они приоритетными по сравнению со всеми другими типами и видами знания? В основном в ведущейся дискуссии пока просматриваются только ценностные и идеологические установки и спекулятивные рассуждения о пользе знания прошлого. Никаких исследований того, на что и как именно влияет знание или незнание истории (прежде всего, имеется в виду социальное поведение), мы не обнаружили³. Конечно, как историки мы сами склонны придавать особое значение историческим знаниям, но как исследователи мы пока не видим существенных объективных оснований для такой позиции.

Отсюда следуют новые вопросы: во-первых, насколько представления элиты о важности исторического знания разделяются широкими слоями населения? Во-вторых, и это ключевой вопрос – для чего вообще нужны знания о прошлом?

подавляющая часть всех алармистских выступлений по поводу «исторического невежества» основана на результатах относительно небольшого числа тестов и опросов, в которых выяснялось знание конкретных дат и фактов (все время цитируются одни и те же немногочисленные результаты). Однако насколько важно знание дат и фактов в системе общих знаний о прошлом? Ответ на этот вопрос хорошо сформулировали еще в 1917 г. Карлтон Белл и Дэвид МакКаллам – фактически первые американские специалисты в области образования и социальной психологии, занявшиеся проблемами массового исторического знания (они же, кстати, провели в 1915 г. первый массовый тест на знание истории среди школьников старших классов и студентов колледжей).

Белл и МакКаллам полагали, что задачей исторического образования является выработка «чувства истории» (*historic sense*), которое включает пять элементов:

- 1) Способность понимать современные события в свете прошлого.
- 2) Способность «просеивать» (фильтровать) исторические источники – газетные статьи, слухи, партийные дискуссии, политическую публицистику – и конструировать «из этого спутанного клубка четкое и правдоподобное суждение о том, что произошло».
- 3) Способность воспринимать исторический нарратив.

¹ Савельева, Полетаев 1997; 2003–2006.

² Савельева, Полетаев 2004; 2005а; 2003–2006, т. 2, гл. 18; *Феномен прошлого* 2005.

³ Подобное исследование применительно к массовым политическим знаниям осуществили американские политологи Майкл Делли Карпини и Скотт Китер. Их книга называется предельно ясно: «Что американцы знают о политике и почему это важно» (*Delli Carpini, Keeter* 1996).

4) Способность давать осмысленные и компетентные ответы на умозрительные вопросы по поводу той или иной исторической ситуации.

5) Способность отвечать на фактологические вопросы об исторических личностях и событиях⁴.

Как справедливо писали авторы, последний пункт является самым узким и менее всего свидетельствует о наличии «чувства истории», но именно он, как правило, и тестируется.

Отсюда возникает еще один вопрос: *что* именно должны знать широкие массы о прошлом (если не даты и факты), который в свою очередь связан с пониманием того, *для чего* они должны это знать – и тем самым мы снова возвращаемся к первому вопросу.

В самом общем виде можно сказать, что знания о прошлом должны обеспечивать ориентацию во времени и социальном пространстве. С этой точки зрения знание или незнание исторической конкретики (дат, событий, личностей) само по себе не может рассматриваться как свидетельство неинструментальности обыденных представлений о прошлом в целом.

Поясним свою мысль на примере естествознания. Подавляющая часть взрослого населения любой страны вряд ли сможет воспроизвести законы Ньютона, но при этом в современном обществе все понимают, почему брошенный камень падает на землю, а Земля не улетает от Солнца. Наличие общих представлений об электричестве и работе бытовых электроприборов не связано с точным знанием закона Ома. Это же относится и к массовым знаниям в области химии, биологии, медицины и т. д., позволяющим ориентироваться в современной жизни.

Иными словами, хотя после окончания школы большинство людей в современных обществах быстро забывает конкретные формулы, законы и т. д., полученные естественнонаучные знания позволяют в течение всей оставшейся жизни ориентироваться в физической реальности и понимать базовые принципы ее устройства в соответствии с относительно современными научными представлениями (хотя бы на уровне естествознания XIX – начала XX века). Благодаря усвоенным знаниям значительная часть населения может воспринимать и некоторые новейшие научные теории, популяризируемые печатными изданиями, а также телевидением и радио.

Гипотетически можно предположить, что такая же ситуация существует и в области массовых представлений о социальной реальности, в том числе и о прошлом. Незнание дат и конкретных исторических фактов вполне может сосуществовать с наличием функциональных знаний об устройстве социального мира, его историческом развитии и, соответственно, о «времениположении настоящего». Если эта гипотеза верна, то отсюда следует гораздо большая, чем принято считать, познавательная значимость как школьного общественнонаучного образования в целом, и исторического – в частности, так и важность всех других источников знания о прошлом.

Для проверки этой гипотезы мы обратились к материалам, в которых фиксируются данные о *содержании* представлений о прошлом в разных странах, а именно, к социологическим опросам. На первый взгляд, и сами опросы, и полученные в них результаты показались нам довольно тривиальными. Но оставалось ощущение, что в этих результатах все-таки что-то есть помимо набора банальностей. В итоге некоторых размышлений мы пришли к выводу, что надо попытаться взглянуть на эти данные в ином ракурсе. Ситуация в данном случае является типично историографической: мы имеем дело с неким источником, который традиционно используется для получения определенных сведений, но историк может попытаться использовать этот же источник для получения иной информации, узнать из него о неких иных явлениях.

Мы занялись результатами опросов более плотно, с целью найти в них ответы на ряд вопросов, которые мы сформулировали выше. В качестве объекта исследования мы выбрали США по ряду причин: во-первых, информация о результатах опросов в США более доступна; во-вторых, подобные опросы там начались раньше

⁴ Bell, McCollum 1917: 257–258; цит. по: Wineburg 2004: 1402.

и проводятся более интенсивно, в-третьих, мы все-таки исходно являемся американцами и достаточно много занимались историей этой страны; в-четвертых, массовые представления в Америке в последние десятилетия были весьма устойчивыми, и уже поэтому их легче интерпретировать.

Анализируя данные социологических опросов, мы пытались выявить, в первую очередь, своего рода каркас исторических представлений, их общие характеристики и просматривающиеся за этими знаниями ценностные, идеологические, религиозные ориентиры. Иными словами, объектом нашего интереса были общие представления об истории, точнее, об историческом процессе. Но попутно выяснилось, что и конкретные знания американцев о прошлом совсем не так плохи, как это часто изображается.

Авторы выражают искреннюю благодарность Г. А. Кертману (Фонд «Общественное мнение»), который взял на себя труд прочесть рукопись и дал ценные советы и замечания.